

“Я всегда хотел играть как можно жестче и тяжелее”

Сегодня в Москве выступит Ронни Джеймс Дио, легендарный певец и одна из ключевых фигур тяжелого рока. Накануне концерта со знаменитым музыкантом побеседовал корреспондент Газеты Александр Зайцев.

Вы выступали в Москве пять лет назад. Какие впечатления сохранились после того визита? Самые главные впечатления связаны с людьми. Люди в России такие теплые и клевые, самые клевые люди. Я американец... предполагалось, что мы должны ненавидеть вас, а вы — нас. Но я думаю, что это правительства ненавидели друг друга, а не люди. Потому что когда я познакомился с людьми, они оказались совсем такими же, как мы. У них были такие же интересы, те же мечты, они желали от жизни то же самое, что и мы. Прекрасные люди. Вот это было моим первым впечатлением.

Очевидно, пять лет назад не так уж много иностранных групп приезжало в Россию, так что мы были одними из первых, на передовой. Я увидел, как близко к сердцу российские слушатели принимают то, что мы делаем, и насколько хорошо они помнят то, что я делал лет двадцать назад. Увидел, насколько неравнодушно они относятся к моей музыке. Вот такие были мои самые первые и самые сильные впечатления.

В течение всей своей карьеры вы придерживались твердой линии хард-н-хэви, никогда не отклоняясь в сторону. Можете ли вы представить себя вовлеченным в какой-нибудь музыкальный проект иного направления? Например, что-нибудь связанное с поп-музыкой, с хип-хопом, с электроникой? О нет, это что-то, что я никогда бы не смог сделать. Поп-музыка никогда не интересовала меня. Я находил ее слишком легковесной. Когда мы только начинали, мы все играли то, что можно назвать поп-музыкой, и я в том числе. Редко кто начинает сразу же сочинять свою собственную музыку в своем собственном стиле. Обычно люди начинают с копирования, осваивая различные приемы. У меня всегда было желание играть как можно жестче и тяжелее, тяжелее и тяжелее. Мне повезло, что я много работал с Black Sabbath, которые были исключительно тяжелыми. Так что эта цель в моей жизни уже достигнута. Но поп-музыка просто не волнует меня. Хотя знаете, я делал нечто подобное в прошлом. Одна из таких вещей — давний проект, альбом «Butterfly Ball», который делал Роджер Гловер (басист Deep Purple. — Газета). Там были довольно попсовые песенки. Но тогда был смысл делать нечто подобное. Если есть смысл, то это нормально, но я стремлюсь держаться подалеже от вещей, которые не имеют особого содержания и глубины.

Если уж речь зашла о семидесятых: не раз приходилось читать, что вы ушли из Rainbow потому, что Ричи Блэкмор требовал от вас писать более простые и попсовые тексты и оставить в стороне средневековые темы. Было ли это действительно причиной ухода?

Это действительно было причиной того, почему лично я не хотел больше оставаться в Rainbow. Но вы должны помнить, что это была группа Ричи и никого другого. Так что Ричи сам решал, с кем ему нужно работать, а с кем нет. И мне было сказано, что Ричи хотел бы, чтобы я начал писать тексты, ориентированные на поп, такие, чтобы больше подходили для радиоэфира, всякие любовные песни. И для меня это было окончанием работы в Rainbow. У Ричи особая манера высказывания — «может быть, тебе не стоит больше быть в этой группе». Для меня это было нормально, потому что я не хотел заниматься такой музыкой. Так что все верно, я действительно не хотел писать такие песни. А уж что касается того, что двигало Ричи, это вам лучше спросить у него самого.

А вы не находите ироничным то, что теперь Блэкмор сам вплотную обратился к английскому фольклору в своем проекте Blackmore's Night? Меня этонисколько не удивляет. Ричи всегда это нравилось. Он любил этот средневековый концепт, так же как и я. И когда мы начинали Rainbow, мы задумывали играть такой классической, средневековой хард-рок. Я думаю, что Ричи всегда чувствовал, что родился поздовато. Если бы он появился на свет веке в шестнадцатом, он был бы очень счастлив. Странствовал бы по миру, играл на лютне, исполнял бы музыку для короля. Так что опять же я не удивлен. То, что он играет такую музыку, приносит ему радость, а это самое главное. И если есть такое, значит, все клево.

Говоря о вашем участии в Black Sabbath: почему атмосфера в группе была такой напряженной, почему произошел раскол? Хотелось бы узнать ваше мнение на этот счет. В самом начале все было прекрасно, я всегда говорил, что «Heaven and Hell» — самый мой любимый альбом из всех, что я делал. Тони, Гизер и Билл Уорд — самые замечательные люди из всех, с кем я играл. Мы все очень любили друг друга, по крайней мере в период двух первых альбомов. Когда я присоединился к ним, группа переживала не ослишком хорошие времена. Они не выпускали уже такие хорошие пластинки, как раньше. Так что нам пришлось проделать много тяжелой работы, это требовало большой самоотверженности и заботы, любви к тому, что мы делали. И мы записали очень успешный альбом, «Heaven and Hell», — так Black Sabbath снова заявили о себе. Я думаю, что когда к тебе снова возвращается успех... Здесь я говорю не за себя, потому что я не думаю подобным образом.

Ведь каждый понимает успех по-своему. Я считаю, что первым делом ты должен радовать самого себя — вот это настоящий успех. Если люди покупают твои диски, если их ставят на радио, на ТВ, это тоже прекрасно. Но смысл занятий музыкой всегда был другой — получить удовольствие прежде всего самому, чтобы группе было хорошо. Но как только успех вернулся, парни в группе стали переходить на прежние позиции: «как бы мне заработать денег побольше, чем зарабатываешь ты», «я более важен, чем ты» и в конце концов «ты не играл в оригинальном составе Black Sabbath». Все эти вещи, которые начали всплывать, разрушали наши отношения. И образовалась такая ситуация, в которой мы оказались разделены. Винни Эппис, который играл в то время на ударных, и я — против Тони и Гизера. Странно, мы не хотели, чтобы получилось нечто подобное, но оно произошло. Мы оказались как бы исключенными из всего. Стало ясно, что пора уходить. Потом, наверное, я совершил ошибку, когда спустя десять лет вернулся в Black Sabbath. Но это не было ошибкой в отношении музыки. Музыка по-прежнему была высшего качества. Я до сих пор считаю, что альбом «Dehumanizer» (1992) — одна из лучших работ, в которых я принимал участие. Но в людях не изменилось ничего, люди остались прежними. И это было совсем не так, как в самое первое время моего сотрудничества с этой группой. Я опять осознал, что пора уходить. Я не хотел жить жизнью, которой был бы недоволен, я не люблю быть несчастным и гораздо более счастлив, когда имею возможность контролировать свою судьбу. Так что я ушел из Sabbath и вернулся к собственному проекту Dio. Теперь я снова мог контролировать свою жизнь, свою музыку и быть с людьми, которые мне дороги.

В 1980-х вы поражали публику эффектным и тщательно разработанным сценическим дизайном, ваши шоу вошли в историю. Это все были ваши собственные идеи? Да, правильно. И я мой менеджер Уэнди много думали о различных вещах, важных для карьеры и наших фэнов, потому что мы всегда заботились о тех, кто приходил на наши концерты, больше, чем о тех, кто их организует. Ведь успехом мы обязаны именно публике. Именно они покупают нашу музыку, слушают ее в течение многих лет. Именно они всегда были мне дороги. В те времена, в начале 1980-х, мы в Dio зарабатывали очень много денег. И мы хотели вернуть эти деньги нашим слушателям. При обычных ценах на билет мы начали тратить огромные суммы на оформление сцены, потому что мы чувствовали, что зрители заслужили такое шоу. Мы хотели сделать что-то особенное. Я считаю, что это был один из лучших периодов в моей жизни. Все эти ощущения — выступать на сцене, с гигантскими драконами и всеми подобными вещами. Сегодня, если бы вы посмотрели эти шоу, они, наверное, показались бы маленькими в сравнении с тем, что мы можем видеть в наши дни. Но для меня было настоящей радостью заниматься подобным в те времена, видеть лица зрителей, пораженных происходящим на сцене. Но мы использовали все эти представления и декорации отнюдь не для того, чтобы «прикрыть» музыку. Мы не оглядывались, чтобы посмотреть, что же происходит там, за нашими спинами, — главным для нас была музыка. И я думаю, что это просто было замечательное соединение такой великой, темной, иногда просто мрачноватой сценографии и нашей тяжелой музыки.

Я слышал, что в вашем родном городе есть улица, названная в вашу честь — Dio Way. Какое выражение признательности к тому, что вы делаете, было самым трогательным для вас? Эта улица или что-нибудь еще? То, что в мою честь назвали улицу, было для меня очень большой честью. Но я ощущаю это больше как благодарность моим родителям. Без поддержки моей матери и моего отца в ранние годы, когда на рок-н-ролльчиков смотрели с настоящим презрением, когда мы были людьми второго сорта... Они не стали поступать, как многие другие родители, не говорили: «Не делай этого, ты расстраиваешь меня... как я могу сказать своим знакомым, что мой сын — рок-музыкант?» Ничего подобного. Они всегда поддерживали меня и говорили: «Если тебе это нравится, если ты счастлив, значит, это то, что надо». Так что для меня эта улица была названа в честь моих мамы и папы. Если говорить о признаниях моих заслуг на другом уровне, то это будут трибьют-альбомы, на которых другие группы исполняют мои песни. Возможно, это высочайшая честь, которая мне была оказана. Другие музыканты, люди, которые росли с этой музыкой, которые восхищались мной и моими коллегами, хотят записать кавер-версии наших песен. Я думаю, что это величайшая честь.

1970—1980-е были рок-н-рольным стилем жизни: секс, наркотики, саморазрушение и так далее. Мало кто смог избежать этого. Кто-то умер, кто-то выжил и начал новую жизнь, как, например, Гленн Хьюз или Кен Хенсли, которые недавно были в России. А какие у вас были отношения с рок-звездным образом жизни?

Ронни Джеймс Дио — Газете

Ронни Джеймс Дио: «Мое желание всегда было играть как можно жестче и тяжелее, тяжелее и тяжелее» Фото: AP

Да, вы правы насчет золотой эры. Я принял участие во всем этом, но не до такой степени, как большинство музыкантов. Я не употреблял наркотики. Я видел, что происходит вокруг меня с теми, кто это делает. Например, тот же Гленн. У него были ужасные времена из-за наркотиков, они разрушили его карьеру на многие годы. Я наблюдал все это и думал: нет, это не из тех вещей, которыми мне надо заниматься. Что важнее для тебя — твоя музыка и твоя жизнь или вечеринки? Но многим другим моментам рок-н-рольного стиля жизни мы отдали дань еще в Rainbow: выбрасывали телевизоры в окно и все прочие странные и безумные вещи. Но почти все это мы делали, не причиняя вреда другим людям. Я смог пройти через все это, потому что всегда заботился о том, чтобы не переступать через определенную черту, за которой начинается разрушение моей карьеры и, что еще важнее, разрушение меня самого, потому что человек важнее карьеры. Главное для меня — быть самому счастливым. Если это еще сочетается с удачной карьерой — хорошо. Возможно, я просто был слишком умным, чтобы иметь дело со всем этим дерьмом.

Какую музыку вы обычно слушаете?

Я слушаю классическую музыку, потому что я постоянно поглощен музыкой, которую мы исполняем. Мы только что закончили запись альбома, так что эти полгода моей жизни были полностью заняты тяжелой рок-н-ролом. Я начинал как классический музыкант — учился играть на трубе. Всегда любил классическую музыку и старался привнести ее в то, что играл сам. Так что я слушаю классику — она успокаивает мою душу, переносит меня в другие места, показывает мне, насколько я на самом деле незначителен на фоне того, что делали великие композиторы — от Баха до Чайковского, Моцарта, Шопена. Это придает моей жизни определенный ракурс, и я вижу, что я не так важен, как мне кажется.

А на трубе играете до сих пор?

Ага. Я начал, когда мне было пять лет. Мне очень легко давался этот инструмент. Наверное, я был в каком-то смысле чрезвычайно одаренным ребенком. Но это не приносило мне радости, потому что я был одним из многих, а я хотел быть одним из немногих, кто создает действительно чудесные вещи. И я не представлял себя в роли преподавателя музыки, я всегда думал, что я сам буду сочинять музыку. Мне повезло, что свой музыкальный талант я смог соединить с тем, что мне действительно нравилось, — рок-н-ролом.

А что вы думаете о современной хэви-сцене? Нью-метал, например?

Ну, кое-то из нью-метала для меня просто чересчур. Ему не хватает мелодического содержания, которое мне необходимо. Ему не хватает хорошего вокала, а он мне просто необходим в музыке, которую я слушаю. Как и все другое, он будет меняться и превращаться во что-то другое. Так что я, конечно, приветствую все это, но это не то, что я часто и много слушаю.

У нас сейчас очень популярен тяжелый глэм с севера Европы — HIM, Rasmus. Как вы к этому течению относитесь? Сейчас к нему прилепилось собирательное определение love metal... Я не слышал ничего такого, так что не могу прокомментировать это, пока не услышу, но термин love metal вызывает у меня желание блевануть.

Есть ли у вас какие-нибудь любимые занятия, помимо музыки? Хобби, что ли...

У меня нет хобби. Если бы было, то тогда я смотрел бы спортивные передачи. Это очень интересно, и спортивные очень похожи на рокеров. Ты должен быть в хорошей форме, чтобы достичь вершины. Я люблю наблюдать мастерство. Я тоже всегда мечтал быть спортсменом, но не получилось. Ну по крайней мере у меня есть какие-то другие таланты. Так что спортивные передачи — любой вид спорта — очень привлекают меня. Мне нравится смотреть, как люди соревнуются.

газета

Дио, мой Дио!

Голос Ронни Джеймса Дио — одна из главных драгоценностей мирового хард-рока. Что особенно удивительно, вокальные данные этого ветерана, практически дедушки, по-прежнему впечатляют, чего уже нельзя сказать о большинстве его коллег-современников. Большая слава пришла к Дио (настоящая фамилия — Падавона) в середине 1970-х, когда он пел в самом мощном составе Rainbow Ричи Блэкмора. В 1978-м он перешел в Black Sabbath, с которыми записал ряд убедительных альбомов. В 80-х достигает уровня суперзвезды хард-н-хэви со своей собственной группой Dio. В начале 90-х возвращается в Sabbath, но вскоре уходит, возрождает Dio и отныне целиком и полностью посвящает себя этому проекту. Несгибаемость и упорство, с которыми Дио продолжает «нарезать» классический хард-н-хэви, поистине уникальны, как и его вокал.